«Чура. Северный канал»

@vv_Leonidov

@yy_Leonidov

«Чура. Северный канал»

«Автор»
2026

@yy_Leonidov

«Чура. Северный канал» / @yy_Leonidov — «Автор», 2026

2026 год. Мурманск, полярная ночь. В порту ночью выгружают ящики, которых нет ни в одной накладной, а через неделю модель «Чура-2» выдаёт готовый ответ: заместитель руководителя управления порта Дербенёв связан с контрабандой. Топ-3, баллы, даты. Москва требует ареста к совещанию.Аналитик военного направления Артём Гущин модели не доверяет и первым видит несостыковку: у чиновника нет доступа к той номенклатуре, которую он якобы вывозил. В журнале загрузок он находит след — данные пришли из Москвы за сутки до того, как модель «увидела» Дербенёва.Настоящий канал — рыболовецкая артель. Чиновник готовил доклад, который кому-то мешал. Чем ближе группа к артели, тем яснее: правку сделали не для того, чтобы найти виновного, а чтобы убрать свидетеля.Дело закроют формулировкой «алгоритм указал верно». И это будет хуже, чем ошибка.Алгоритм не ошибается. Ему подсказали, кого увидеть.

© @yy_Leonidov, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новоселье 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

@yy_Leonidov
«Чура. Северный канал»

Глава 1. Новоселье

Сцена 1. Коробки

Мороз держался под минус двенадцать, снег не шёл — лежал вчерашний, притоптанный, с чёрными полосами у бордюра. Двор нового корпуса выложили плиткой, и по плитке тянулась одна колея: от ворот к служебному входу, где грузовик уже поднял борт.

Гущин приехал в восемь сорок, чтобы не толкаться в общей очереди, и всё равно оказался третьим.

У ступеней топтался Дёмин с двумя коробками, перехваченными скотчем крест-накрест. На верхней была наклеена бумажка, от руки: «Сейф. Личное. Не кантовать». Вторую он держал на весу, потому что первая была тяжёлой.

— Помочь? — Гущин поставил свою коробку на ступень.

— Сам.

На крыльце, в жилете поверх свитера, ждал комендант. Фамилию Гущин знал из списка рассылки, а в лицо видел впервые: плотный, лет сорока, с планшетом и связкой ключей на поясе. Он смотрел не на людей, а на дверь, как смотрят на прибор, который вот-вот покажет.

— Восемь сорок одна, — сообщил он никому в частности. — В девять пускаем. Раньше турникет не откроют, инженер сказал — с девяти.

— А если в девять ноль одна? — Дёмин опустил коробку на ступень и вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Тогда вы, Кирилл, будете первым, кто войдёт в новое здание. Впишем в журнал.

— У нас что, и журнал новый?

— Всё новое, — комендант сверился с планшетом. — Гаврилов, комендант. Ключи, доступы, эксплуатация. Если что-то не работает — мне, не в Москву.

Гущин взял свою коробку. Сверху, завёрнутая в газету, лежала кружка с облезлой эмблемой флота, и торчал угол бумажного журнала, который он вёл сам, от руки, потому что не доверял выгрузкам.

— Журнал в коробке? — Дёмин кивнул на угол.

— Журнал в коробке.

— В новом здании всё в системе будет. Зачем бумага?

— Затем, что систему можно поправить, а бумагу — только подделать. Разница есть.

Дёмин хмыкнул и промолчал. Спорить с ним о бумаге было бесполезно: он верил в людей, в наружку и в то, что сказано вслух.

Ровно в девять Гаврилов отпер служебную дверь и пропустил их вперёд — по одному, через турникет. Створки были стеклянные, с зелёной лампой по центру. Гущин приложил карту: лампа мигнула и осталась зелёной. Он шагнул, и створки разошлись с мягким выдохом.

Дёмин приложил свою — дважды. Лампа мигнула красным, потом ещё раз красным.

— Ваша карта вчерашняя, — Гаврилов не отрывался от планшета. — Её не подали в утреннюю активацию. Список закрывают в шесть вечера, а заявку оформили позже.

— До обеда?

— К обеду.

Дёмин посторонился, пропуская коробки, и Гущин увидел, что он не злится. Он просто ждал, как ждут на проходной, когда смена ещё не началась.

Гаврилов обошёл турникет, присел на корточки и заглянул под него, в щель между створками.

— Ну что ты, — он наклонился к турникету, — свой же. Свой.

Створки дёрнулись и замерли.

— Он у нас с характером, — Гаврилов выпрямился. — Дверь капризная. Если не с первого раза — приложите ещё, только не подряд, а с паузой. И не стойте на пороге, он этого не любит.

— А человек? — Дёмин обернулся.

— Что человек?

— Человеку вы тоже скажете «с характером»?

Гаврилов взглянул на него с вежливым непониманием.

— Человеку я перевыпущу карту. До обеда.

Он пошёл вперёд, показывая, где раздевалка, где кулер, где щиток. Говорил ровно, как экскурсовод, у которого экскурсия каждый день: на втором этаже не открывать окно в конце коридора, потому что створка провисла; на третьем — не ставить ничего на подоконник, там сушилка; в подвале — не трогать рубильник, он один на два крыла.

— А вы тут давно? — Гущин шёл рядом.

— С ноября. Принял здание у строителей.

— И всё помните?

— Здание простое, — Гаврилов пожал плечами. — Трубы, стояки, щитки. Люди сложнее.

Он произнёс это без умысла, как говорят о погоде, и пошёл дальше, звеня ключами.

В кабинете на четвёртом этаже столы составили по два, и на каждом ждали по два экрана. Один был подключён, второй — с заклеенным скотчем разъёмом. На полу лежали распакованные коробки, у стены сиротливо притулился сейф, который Дёмин уже притащил.

Соболь появился в начале десятого. Вошёл, оглядел зал, потрогал подоконник, будто проверял, не сушилка ли, и остановился посреди прохода.

— Акт приёма подписали? — спросил Гаврилов.

— В трёх местах, — Соболь достал из папки лист. — Помещение принято. Замечания есть?

— Вентиляция в серверной. Инженер обещал к пятнице.

— К пятнице у нас будет не серверная, а сауна, — Соболь сложил лист и убрал во внутренний карман. — Ладно. Работаем.

Гущин снял куртку, повесил на спинку стула и сел. Кресло оказалось новым, с подлокотниками и без регулировки: сиденье выше, чем нужно, колени упирались в стол. Он подложил под себя папку, потом вторую. Стало ровнее.

Гаврилов задержался в дверях.

— Кстати. В архиве на Литейном дверь опечатана с декабря. Ключи у меня. Если поедете — скажите заранее, я дам и опись покажу.

— Поедем, — Соболь не поднял головы. — Сегодня.

Гаврилов кивнул и вышел.

Гущин посмотрел на пустой экран, потом на коробки. В одной из них, у окна, лежали бумаги, и он почему-то отметил это отдельно, хотя коробок в кабинете было девять.

Сцена 2. Зал

К одиннадцати зал походил на склад, который притворяется кабинетом.

Два монитора распаковали, но кабелей к ним не нашли: в коробке лежали только подставки и инструкции на двух листах, напечатанные так мелко, что их никто не читал. Третий, принесённый из коридора, оказался без разъёма питания. Четвёртый работал, но показывал «нет сети» ровными белыми буквами, и надпись не менялась уже сорок минут.

Верещагина сидела на подоконнике с телефоном у уха и второй гарнитурой на шее.

— Нет, не горит, — говорила она в трубку. — Совсем не горит. Я понимаю, что вы его настраивали. Я его вижу. Оно не работает.

Она отняла телефон от уха и обвела взглядом зал.

— Заявку приняли. Срок — три рабочих дня.

— До пятницы, — уточнил Дёмин.

— До пятницы.

— Значит, до пятницы работаем как в двадцатом году.

Он возился у сейфа: прикручивал сигнализацию на батарейке. Сейф привезли утром и поставили не там, где хотел Дёмин, но переставить было некому: грузчики уехали, а двое своих надрываться не стали.

— Розетка за шкафом, — Гаврилов появился в дверях с удлинителем на плече. — Шкаф отодвиньте, там двойная. Только не в эту, она на подвальный щиток, её не грузите.

— А какую можно?

— Которая справа. Слева — подвальная.

Он прошёл вдоль стены, постучал по одной розетке костяшкой, потом по другой и кивнул сам себе, будто обе дали правильный ответ.

— Откуда знаете, какая куда? — Гущин присел рядом.

— Я их принимал. У меня схема в планшете.

— У вас и схема есть?

— У меня всё есть, — Гаврилов приладил удлинитель к плинтусу и прижал провод скобой. — Кроме времени.

К обеду выяснилось, что сеть держит восемь машин, а на девятой падает. Верещагина включила девятую, посчитала до трёх и записала в блокнот. Потом выключила, включила десятую — та же история. Она отложила блокнот и обернулась к залу:

— Половина не работает.

— Какая половина? — Дёмин поднял голову от сейфа.

— Вот эта, — Верещагина обвела рукой столы. — Которая подключена.

— А вторая?

— Вторая даже не подключена.

Гущин сел за свой стол, подвинул кресло — оно скрипнуло и не сдвинулось: колесо попало в щель между плитками. Он поднажал, колесо выскочило, и кресло поехало сразу на полметра, так что колени ударились о тумбу.

Он поставил на стол кружку, развернул бумажный журнал и написал первую строку: «5 января. Новый корпус. Работа начата в 09:05. Связи нет. Монитор один». Помолчал, дописал: «Кресло не регулируется».

— Пишете? — Дёмин подошёл, вытирая руки о тряпку.

— Пишу.

— В новом здании, в двадцать шестом году, от руки.

— От руки оно не пропадёт.

Дёмин хмыкнул, но не ушёл. Постоял, глядя в окно, где у ворот кто-то курил, пряча сигарету в кулак.

— На Литейном сейчас тихо. Пятый этаж. Лампа через одну, линолеум пузырём. А работалось.

— Работалось, — согласился Гущин.

— Тут всё новое, а работать негде.

— Работать можно где угодно, — Соболь стоял в дверях. — Вопрос, зачем.

— В смысле?

— В том смысле, Кирилл, что старый дом был наш. Этот — ничей. Его строили не под нас, его нам выделили. Разница почувствуется к концу недели.

Он прошёл между столами, потрогал подоконник, потом тумбу, потом край сейфа, будто проверял, всё ли на месте.

— Чайник где? — спросил он.

— В коробке, — Гущин кивнул на угол. — Той, что у окна.

— Он ещё работает?

— Работает.

— Тогда вечером поедем на Литейный. Заберём. И ватман заберём, он в новый зал не влезет.

— В зал не влезет, — подтвердил Дёмин. — Тут стены стеклянные.

Соболь не ответил. Постоял, глядя на пустые экраны, и вышел.

В начале второго у него в кармане зазвонил телефон. Он вернулся в коридор, и через стеклянную стену было видно, как он слушает, коротко отвечает и один раз повторяет: «К утру будут». Потом вошёл обратно и сказал в зал, ни к кому не обращаясь:

— Седьмого в Москве ждут цифры. Не коробки. К утру седьмого у нас должны быть показатели, а не объяснения.

— Какие показатели? — Верещагина отложила блокнот. — У нас сеть не держит.

— Вот и покажете, что не держит. С цифрами.

Он ушёл к себе. Дёмин закрутил последний винт и выпрямился.

К трём часам Гущин сходил за кофе. Автомат в коридоре был новый, блестящий, и на экране горело: «Приложите карту».

Он приложил. Экран мигнул: «Карта не активирована».

Приложил ещё раз, с паузой, как учил Гаврилов. Экран ответил тем же.

— До вечера, — сказали за спиной.

Гущин обернулся. Гаврилов смотрел на автомат с той же вежливой отстранённостью, с какой смотрел на турникет.

— Турникет же меня пустил.

— Турникет — пропускной контур. А это платёжный, отдельный. В этом здании всё отдельное: доступ отдельно, деньги отдельно, связь отдельно. Ваша карта в платёжном списке на активацию. Обещали к вечеру.

— А кофе?

— Кофе в кулере. Второй этаж, направо.

Гущин сходил на второй этаж, налил воды из кулера, вернулся и сел. Вода была холодной, но он выпил её всю, чтобы не оставлять на столе.

В зале пахло новой мебелью и чуть-чуть — мокрой штукатуркой.

К вечеру обещали активацию. К утру седьмого — цифры. Пока не было ни того, ни другого.

Сцена 3. Литейный

На Литейный приехали в половине седьмого, когда стемнело окончательно и мокрый снег шёл уже не хлопьями, а мелкой крупой, которая таяла на плечах.

Дверь подъезда была старой, с доводчиком, который не доводил. Соболь придержал её плечом и пропустил Гущина вперёд.

На пятом этаже горела одна лампа из трёх, и пахло бумажной пылью и чужим табаком: в конце коридора, у батареи, кто-то курил в форточку много лет, и запах въелся в стены.

Кабинет Соболя был уже наполовину пуст. Стол остался на прежнем месте, но ящики из него вынули, и на полу белели прямоугольники, где лежали папки. Ватман, свёрнутый в трубу, притулился в углу у сейфа.

Дёмин прошёл по коридору и остановился у двери в архив. Дверь была опечатана: бумажная лента с печатью и подписью, поверх — скотч.

— Кто печатал? — спросил он.

— Я, — Соболь тронул ленту. — И подпись моя. Архив остаётся здесь. Опись в двух экземплярах: один у Гаврилова, один у нас.

— А ключи?

— Ключи у Гаврилова. Он приедет завтра, примет по описи.

Гущин присел у коробки с надписью «Кухня». Внутри лежал чайник — старый, эмалированный, с облупленным носиком, — и три чашки, завёрнутые в бумагу. Он вынул чайник и поставил на стол.

— Он ещё работает? — Дёмин подошёл ближе.

— Работает, — Гущин нажал кнопку. Внутри щёлкнуло, и в прозрачном окошке загорелась оранжевая полоска.

— Тогда забираем. Только заверните, а то разобьём.

Гущин завернул чайник в бумагу, потом в полотенце, потом в куртку, которую снял, и понёс к выходу.

Соболь тем временем постоял в дверях кабинета, глядя на пустые полки, будто пересчитывал, всё ли унесли.

— Андрей Николаевич, — позвал Гущин. — Мы всё?

— Не всё. В углу коробка, я её не разбирал. Посмотрите, что там.

Коробка стояла у окна, подоконник которого был заклеен бумагой от сквозняка. Гущин отогнул клапаны, развернул и увидел бумаги: старые, с жёлтым краем, сложенные в папку на тесёмках. Сверху лежал лист, отпечатанный на машинке, с грифом и номером.

Он поднёс лист к лампе.

— Это опись, — Гущин повернул лист к свету. — Девятнадцатый год. Передача материалов из...

Он замолчал.

Внизу описи, там, где графа «Примечания», чьей-то рукой была вписана строка — синей шариковой ручкой, аккуратно, как заполняют графу в официальной бумаге: «Изделие — 1 ед. Принято по акту. Исполнитель — Л.».

— Что там? — Соболь подошёл.

Гущин протянул лист.

Соболь прочитал. Потом прочитал ещё раз, медленнее, и Гущин увидел, как у него изменилось лицо: не испуг, не удивление — просто остановилось, как останавливаются на лестнице, когда вспомнили, что забыли.

— Это не наш лист, — произнёс Соболь наконец.

— Как не наш?

— В архиве книги такого листа нет. Я опись сверял в декабре.

— Может, вложили?

— Кто мог вложить?

Он не ответил. Сложил лист вчетверо, убрал во внутренний карман и застегнул пиджак.

— Забираем коробку. — Соболь кивнул на неё. — Целиком. Ничего не вынимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.